

Антон ШКОЛЬНИКОВ

Звёзды висят над городом,
Будто на тонких ниточках...
Бог потирает бороду.
Бог промывает кисточки.

Вышел пейзажик скромненький.
Вышли мазки тяжёлые:
Ночь облепили сонную
Окон наклейки жёлтые.

Двое, в окне курящие,
Рамами перекрещены.
В раму скребётся пальчиком
Чёрного клёна трещина...

Мальчиком клён посаженный
Держит мужчину пьяного...
Он рисовал пейзажики,
Но рисовал с изъянами.

Ствол раскроив на досточки,
Фронт нарисуют пленные...
Бог рисовал набросочки.
Нарисовал – Вселенную.

...Вечностью в угол загнанный
И созидаю – Вечность,
К дому идёт зигзагами
Маленький
человечек.

Марина УЛЫБЫШЕВА

Мой школьный учитель труда не умел говорить.
Зато он умел заготовку, как стерву, пилить.
Напильник визжал,
голосил одуревший металл...
Класс выл и ходил на ушах. А учитель молчал.
Как бывший вояка умел он упасть и отжаться.
А вот говорить не умел. Лишь умел выражаться.

Мой школьный учитель безделья
вещал, как Гомер.
В искусстве болтливом сей дока не знал полумер.
Прикладывал к образу образ, пленялся натурой,
Кудрявилась мысль, юморок завивался,
ветвилась фактура.
Наука его мне казалась сладка, как халва:
И хлеба важнее, и зрелищ бывали слова.

Мой третий учитель – он знаки чертил на песке,
Ходил он по водам и смерчи держал он в руке.
Он словом умел исцелить и сразить наповал,
Поэтому, видно, как я ни молила, молчал.
Но, звука не выронив,
спрашивал первых двух строже.
И эти уроки мне стали двух первых дороже.

Дмитрий СОСНОВ

Вновь с разбитого аэродрома
поднимается в небо душа...
После дикого перелома
прихожу в себя не спеша.

Возвращение будет долгим.
Но терпения не в обрез...
Слава Богу, что сплетни и толки
не поднимутся до небес.

Игорь ХОХЛОВ

Дай, говорит, я тебе обнимю –
вышли на авеню.
Авеню-то – для красного словца,
так, непримечательная улица.
Но они идут: она в сапогах
(красных, как строка),
а он – в крокодиловой куртке.
Редкие гопники думают: вот придурки,
но не решаются на гоп-стоп.
А могло б
дело закончится для них удачей:
сказали б, чё ты тут прячешь,
покежь, а это чё, а это чё.
Слишком аристократическое у него плечо.
С него куртку сняли б –
и без жалоб.
А сапоги, так и быть, оставили бы
представители голтыбы.
Но гопники были редкими. Блестела авеню.
Он повторил, шутя: дай я тебе обнимю.
Медовый месяц.
Мир во всём мире.